

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

I

Когда мы смотрим вперед и вдаль, и видим грядущую Россию, то мы видим ее, как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру. После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически-интернационального провала - Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здоровый инстинкт самосохранения, примирит его с своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета.

Тридцать лет терпит русский народ унижения; и, кажется, нет им конца и края. Тридцать лет попирают темные и преступные люди его очаги и алтари, запрещают ему молиться, избивают его лучших людей - самых верующих, самых стойких, самых храбрых и национально преданных, - подавляют его свободу, искажают его духовный лик, проматывают его достояние, разоряют его хозяйство, разлагают его государство, отучают его от свободного труда и свободного вдохновения... Тридцать лет обходятся с ним так, как если бы он был лишен национального достоинства, национального духа и национального инстинкта. Эти годы насилия и стыда не пройдут даром: нельзя народному организму "запретить здоровье", - он прорвется к нему любой ценой; нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства, - эти попытки только пробудят его к новому осознанию и новой силе. То, что переживает сейчас русский народ, - есть строгий и долгий ученический искуc, живая школа душевного очищения, смирения и трезвения. Первое пробуждение, может быть, будет страстным, неумеренным и даже ожесточенным; но дальнейшее принесет нам новый русский национализм, с его истинной силой и в его истинной мере. Этот национализм мы и должны ныне выговорить и оформить.

В противоположность всякому интернационализму, - как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, - мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу.

Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими "симпатиями" или "обязательствами".

Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от

природы (а это значит - и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем ни права, ни желания. Ибо всякое национальное своеобразие по-своему являет Дух Божий и по-своему славит Господа.

Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт.

Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. Так нам всем дано от Бога. И это хорошо. Это прекрасно. Различные травы и цветы в поле. Различные деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилен формами; блещет красками и видами; сияет и радуется многообразием...

Всё хочет петь и славить Бога:

Заря, и ландыш, и ковыль,

И лес, и поле, и дорога,

И ветром зыблемая пыль.

(Федор Сологуб).

И в этом все вещи, и все люди, и все народы - правы. И каждому народу подобает - и быть, и красоваться, и Бога ставить по-своему. И в самом этом многообразии и многогласии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого.

Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия - может родиться только в духовно мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть

порождение рассудочной души, злой и завистливой, - все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ (химера германского национал-социализма) или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения (химера советского коммунизма). Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится с крайним интернационализмом, - нерусского происхождения, как, впрочем, и весь нигилизм, и нехристианского пронахождения, как, впрочем, и весь эгалитаризм.

Христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему призванию, особой в своих грехах и подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве, - т.е. идею метафизического своеобразия человека. И поэтому идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания; Христос один во вселенной, Он не для Иудеев только и не для Эллинов только, а благовестие Его идет и к Эллинам, и к Иудеям; но это означает, что признаны и призваны все народы, каждый на своем месте, со своим языком и со своими дарами (срв. Деян. 2. 1-42, 1. Кор. 1-31).

Преподобный Серафим Саровский высказал однажды воззрение, что Бог печется о каждом человеке так, как если бы он был у Него единственным. Это сказано о личном человеке. Что же надлежит думать об индивидуальном народе, - что он Богом осужден, отвергнут и обречен? Каждую лилию Господь одевает в особливые и прекрасные ризы, каждую птицу небесную питает и кормит, и волосы, падающие с головы человека, сосчитывает, а своеобразие народной жизни, от Него данное и заданное, творческую хвалу живой нации, к Нему восходящую, - отвергает?!..

Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет, и те народы, которые служат Ему творчески и вдохновенно, становятся великими и духовно ведущими народами в истории.

И вот, национализм есть уверенное и сильное чувство, что мой народ тоже получил дары Духа Святого; что он принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему; что сила его обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям; и что поэтому народу моему подобает культурное "самостояние", как "залог величия" (Пушкин), и как независимость государственного бытия.

Поэтому национализм проявляется, прежде всего, в инстинкте национального самосохранения; и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать. Он живет совсем не "по ту сторону добра и зла", напротив, он подчинен законам добра и духа. Он должен иметь

свои проявления в любви, жертвенности, храбрости и мудрости; он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной "пчелиности" и муравьиности" Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения.

II

Что такое есть национализм?

Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ - к духовному расцвету. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божием и в дарах Его Благодати. Это есть благодарение Богу за эти дары; но в то же время и скорбь о своем народе и стыд за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то, как "народную гордость"; - и источник единения, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории; - и источник государственного правосознания, связующего "всех нас" в живое государственное единство.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа, как драгоценную духовную самосиянность. Он принимает дары и создания своего народа, как свою собственную духовную почву, как отправный пункт своего собственного творчества. И он прав в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается целым народом на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта, и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания, - при всем его личном своеобразии, имеет еще и национальную природу, национальную однородность и национальное своеобразие. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие, и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать "свое заветное" и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего

народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы климат души и почва духа; а национализм есть верная, естественная тяга к своему климату и к своей почве.

Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжималась и страдала от черствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания - его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке - к ее естественно льющейся и неисчерпываемой мелодии, к ее дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни... Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука... А русская живопись, - чудеснейшая и значительнейшая, наряду с итальянской, - доселе еще "не открыта" и не признана снобирующим европейцем... Все прекрасное, что было доселе создано русским народом, исходило из его национального духовного акта и представлялось чуждым Западу.

А между тем создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов - может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. "Мировой гений" есть всегда и прежде всего - "национальный гений", и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или "интернациональной" души дает в лучшем случае только мнимую, "экранную" "знаменитость". Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то "сверхнационального" акта, а потому, что они углубляют творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна их единоплеменным современникам. Пророк и гений - национальное своего поколения, в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт классической глубины и зрелости и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит - в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет национальной Россией.